

**Экспликация образа женщины в русской и турецкой
паремиологических парадигмах**

Губарева С.А.

преподаватель кафедры языковой подготовки

Дорохова А.И.

преподаватель кафедры языковой подготовки

Харьковского национального медицинского университета

г. Харьков, Украина

Паремиологическая парадигма языка является хранилищем культурных маркеров конкретного народа. Современные лингвисты уделяют значительное внимание изучению пословиц через призму лингвокультурологии, в задачи которой входит «изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета» [2:65]. Человек в фольклорно-языковой картине мира видится динамичным, деятельным существом, которое осуществляет три базовых типа действия – физическое, интеллектуальное и речевое. С помощью паремий представляется возможным описать практически весь мир человека: его характеристику, разнообразные оттенки чувств и состояний, поведение в обществе [1]. Усвоение лингвокультурологических реалий и специфических грамматических конструкций через паремиологические единицы является неотъемлемой частью получения углубленных знаний в области языка, что, в свою очередь, поможет студенту-иностранцу успешно адаптироваться в неродном культурном социуме и реализоваться как успешная языковая личность.

Материалом для исследования послужили 196 пословиц (46 турецких и 156 русских), содержащих сведения о специфически женских проявлениях человеческой природы и полученных методом сплошной выборки из соответствующих словарей [3; 4; 5; 6]. Отсортированные фольклорные единицы были предложены студентам-иностранцам для проведения сопоставительного лингвокультурологического анализа, в результате которого учащиеся при помощи преподавателя разбили их на основные семантические группы и выделили универсальные и специфические компоненты стереотипов наивного сознания представителей данных культур.

Так, например, семантическая группа «**Материнство**» в русском, и турецком языках представлена паремиями, в которых образ матери имеет константные положительные признаки 1. «необходимая для ребенка» и 2. «любящая, милосердная»: 1. *Anası olmanın babası olmaz (У того, кто не имеет матери, не будет и отца) (тур.); Ребенок без матери – что стол без скатерти (русс.); 2. Сердце матери лучше солнца греет (русс.); Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет (русс.); Добра мать до своих детей, а Земля до всех людей (русс.); Материнская ласка конца не знает (русс.); При солнце тепло, а при матери добро (русс.).*

Семантическая группа «**Красота**» в русской фольклорной парадигме отождествляется с практической функцией «хозяйственная», которая противопоставляется внешним признакам как периферийным или рудиментным: *Жена красавица – слепому радость (русс.); Не наряд жену красит –*

домостройство (русс.); Все красны девки золотом шьют (русс.); Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла (русс.); Добра жена и жирные щи – другого добра не ищи (русс.); Красота приглядится, а щи не прихлебаются (русс.); Выбирай жену не в хороводе, а в огороде (русс.).

В свою очередь в турецкой картине мира внешность женщины является если не приоритетным критерием при выборе жены, то занимает одно из первых позиций: *Er ketaliyle avrat cemaliyle anılır* (Мужчина вспоминается зрелостью, а женщина – красотой) (тур.); *Karını bekar gözüyle seçme* (Выбирай жену не глазами холостяка) (тур.); *Anasına bak kızını al* (Если хочешь какую-то девушку, посмотри на ее маму) (тур.).

Внешние качества являются определяющими и при выборе социальной роли для женщины: *Çirkin karı evini toparlar, güzel karı düğün (sokak) gezer* (Некрасивая жена дом приберет, красивая жена по свадьбам (улицам) гуляет) (тур.).

Дифференциальным признаком для турецкой культуры по отношению к русской является наличие критерия религиозного милосердия при выборе женщины как будущей жены / объекта любви: *Güzeli güzel diye sevmeli, çirkinini Allah için sevmeli* (Красивую надо любить за красоту, а уродливую – ради Аллаха) (тур.). В русском паремиологическом фонде данное значение лакунарно.

Семантическая группа «Ум» и в турецком, и в русском народном сознании эксплицируется идентично и репрезентирует, скорее, мужскую, патриархальную картину мира – интеллектуальные способности женщины подвергаются иронии или отрицаются в принципе: *Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* (русс.); *Волос долг, да ум короток* (русс.); *Kadın kısmının saçı uzun olur akli kısa* – (У женщин волосы длинные, ум короткий) (тур.); *Kadının nasihatı, kadın için geçerlidir* – (Совет женщин годится только женщине) (тур.). Отметим, что в русских контекстах данной тематической группы лексемы «женщина, девушка» обычно заменяются маркировано сниженным «баба».

Кроме того, образованная женщина в турецком обыденном сознании наделяется демоническими свойствами и отрицательной характеристикой: *Kadının zoru diline kuvvet* (Ученая женщина-развлечение дьяволу) (тур.).

Семантическая группа «Нечисть» также демонстрирует сходное для обеих культур восприятие женщины как отождествленной с потусторонней, нечистой силой. Данное отождествление играет роль как негативной, так и ситуативно позитивной (похвальной) характеристики женщины: *Женщина хитрее черта* (русс.); *Куда черт не успеет, туда бабу отправит* (русс.); *Где баба, там не надобен черт, баба да бес – один у них вес* (русс.); *Erkeğin şeytanı kadındır* (Дьявол мужчины – женщина) (тур.).

Семантическая группа «Характер» наполнена контекстами, эксплицирующими преимущественно отрицательные поведенческие черты:

● БОЛТЛИВОСТЬ – *Бабий язык, куда ни завались, достанет* (русс.); *Приехала баба из города, привела вестей три короба* (русс.). Данное качество не отображено в турецких паремиологических единицах, что обусловлено

культурными особенностями страны, в которой молчаливость женщины является показателем скромности, добродетели.

● злость – *Злая жена сведет мужа с ума (русск.); Злая жена – засада спасению (русск.); Еще тот и не родился, кто бабий норю узнал (русск.); Девушки хороши, красны, пригожи, да отколь же злые жены берутся (русск.); Kadın var ev uyar, kadın var ev uıkar (Есть такая женщина, которая даже дом построит, а есть такая, которая разрушит все) (тур.).* Самая обширная подгруппа, представлена паремиями обеих языков, что может свидетельствовать о восприятии злости как одного из самых больших женских пороков на межкультурном уровне.

● капризность – *На женские прихоти (причуды) на напасешься (русск.); Девичьи (женские) думы изменчивы (русск.); Çok naz aşık usandırır (Капризная возлюбленная быстро надоест) (тур.); Kadın deniz gibidir (Женщина как море) (тур.).* Данное качество так же является обоюдно порицаемым и злободневным в обеих культурах.

Семантическая оппозиция «**Сексуальность**» представлена преимущественно турецким паремиологическим фондом. Вероятно, в русской культуре нормативно вербализировать отношение к женщине как к объекту плотского желания не принято, как и воспевать ее сексуальные качества: *Kadın var kardan soğuk kadın var kardan sıcak (Есть женщины – холоднее снега, есть женщины – горячее угля) (тур.); Karın soğığı, kadının soğığından iyidir. Холод снега лучше, чем холодность женщины (тур.).*

Семантическая группа «**Нравственность**». Представление о данном качестве у женщины является сходным и традиционно воспевается: *Kadını erkek değil, ar ve patus korur (Женщину не мужчина бережет, а скромность и честь) (тур.); Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славе) (русск.).* В этой же категории можно выделить и общую семантическую подгруппу «**Покорность**»: *Kadın sevdiği kişi için değil, kendisine hükmeden kişi için hayatını verir (Женщина не отдаст свою жизнь тому, кого она любит, а отдаст тому, кто ее правитель) (тур.); Знай, баба, свое кривое веретено (русск.); Жена мужа почитай, как крест на главе (русск.).*

В тематической группе «**Жена**» женщина рассматривается неоднозначно. С одной стороны, в русском народном сознании жена предстает волевой и доминирующей, что претит турецкому укладу жизни: *Худое дело, коли жена не велела (русск.); Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет (русск.); Чего жена не любит, того мужу век не едать (русск.).* С другой стороны, для обеих культур характерно восприятие хорошей жены как одного из наивысших благ: *Не надобен клад, коли у мужа с женой лад (русск.); Красна пава перьем, а жена мужем (русск.); Жена мужем красна (русск.); Без мужа жена всегда сирота (русск.); Без жены, что без рук (русск.); Без жены как без шапки (русск.); Без жены дом – содом (русск.); Без мужа, что без головы; без жены, что без ума (русск.); Kadınsız ev olmaz (Дома без женщины не бывает) (тур.); Yuvayı dişi kuş uyarar (Даже у птиц вьет гнездо самка) (тур.).*

Развод, разрыв отношений с женой также получает обоюдное порицание: *Жена не гусли, поиграв, на стену не повесишь* (русск.); *Ev (mülk) satan, kari boşayan kıyamete kadar unutmaz* (Тот, кто продал дом и развелся с женой, не забывает об этом до ада) (тур.).

Несмотря на официальный этический запрет рукоприкладства в современной русской культуре, в представлениях народного сознания, отраженных в поговорках, допускается физическая сила по отношению к женщине во имя благих целей: *Бей бабу молотом – будет баба золотом* (русск.); *На злой жене одна только печь не побывает* (русск.); *Обошёл муженек женушку дубинным корешком* (русск.); *Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее*. Однако в турецких пословицах закреплена мысль о невозможности насилия над лицами женского пола: *Karısını dövmeyen, dizini döver* (Тот, кто не бьет свою жену, тот потом бьет свои колени (тур.); *Aslan bile kadına dokunmaz* (Даже лев до женщины не дотронется) (тур.).

В результате проведенного исследования студентами был сделан вывод, что представления о женщине, ее роли в семье и обществе, содержащиеся в русской и турецкой картинах мира, имеют как общие, межкультурные, так и специфические, монокультурные установки. Так же они отметили, что универсальные характеристики выражаются с помощью уникальных для каждого языка лексических компонентов.

Следует отметить, что проведение лингвокультурологического анализа в сопоставлении с родным (для одной группы студентов) и с языком народа-соседа (для другой группы) послужило высокой мотивацией для работы на уроке, что в свою очередь позволило получить успешные результаты в непринужденной обстановке. Таким образом, можно сделать вывод, что уроки РКИ, базирующиеся на лингвокультурологической составляющей (в данном случае – привлечение паремиологических единиц) являются мотивационными, расширяющими кругозор учащихся и углубляющими их культурные и языковые навыки.

Список источников:

1. Белая Е.Н. Идиоматика и наивная картина мира / Е.Н. Белая // Язык. Человек. Картина мира. Часть II. Материалы Всерос. научной конф. – Омск, 2002. – С. 6-11.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки, 2000. – №1. – С. 64-71.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 4-е, испр. и доп. / В.П. Жуков. – М. : Русский язык, 1991. – 531 с.
4. Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Изд. 3-е, стереотипное / В. И. Зимин, А. С. Спириин. – Ростов н/Д : Феникс; Москва: Цитадель-Трейд, 2006. – 544 с.
5. Мансурова О.Ю. Турецко-русский словарь пословиц: 1111 изречений, используемых в повседневном общении / О.Ю. Мансурова. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2006. – 94 с.
6. Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2-х томах: Т. 1 / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – 383 с.